

Изъ прошлаго.

(Отрывки изъ воспоминаній объ А. Н. Красновѣ).

I.

.... За немногія недѣли до смерти я видѣлъ А. Н. Краснова въ Петроградѣ. Больной, какъ мнѣ кажется теперь, уже ясно чувствовавшій приближеніе неизбѣжнаго намъ всѣмъ конца, А. Н. былъ у меня передъ своимъ отъѣздомъ на Кавказъ. Ему и хотѣлось, и тяжело было туда ѣхать. Тревожила мысль о судьбѣ дорогого ему ботаническаго сада, который только передъ войной, казалось, окончательно началъ выливаться въ определенное созданіе, отвѣчавшее старымъ мечтамъ и долгимъ надеждамъ. И война грозила разрушить все. Пробираясь съ большимъ трудомъ и большими страданіями долгимъ кружнымъ путемъ изъ Парижа въ Петроградъ, онъ все время думалъ о полномъ крушеніи дорогого ему дѣла—правда, мелкой песчинкѣ въ вихрѣ міровой катастрофы, но съ ней была связана его личная мысль и личная воля. Лишь здѣсь въ Петроградѣ онъ узналъ о томъ, что война не разрушитъ и не измѣнитъ предположенной организаціи сада. Но онъ все-таки ѣхалъ въ Батумъ въ тревожномъ настроеніи; онъ глубоко и сильно переживалъ міровую трагедію, понималъ больше другихъ всю огромность начавшейся исторической развязки. Вопросъ отношенія расъ и въ частности вопросы о нѣмецкой колонизаціи интересовали его давно. Я нахожу слѣды этихъ интересовъ въ своихъ гимназическихъ воспоминаніяхъ, въ старой юношеской перепискѣ— а позже, съ начала 1890-хъ годовъ, вновь нѣмецкій *Drang nach Osten* рисовался ему въ стихійно-фантастическихъ формахъ; онъ былъ въ ужасѣ отъ, казалось ему, систематической организованности нѣмецкихъ колоній въ Россіи, въ жизни которыхъ онъ видѣлъ сознательный планъ чужой государственной организаціи. Жизнь въ Харьковѣ, поѣздки на югъ Россіи заставили его внимательнѣе всмотрѣться въ происходящее внѣдреніе въ русскую жизнь чужероднаго, сильнаго культурой, трудомъ и организаціей племени, въ которомъ онъ съ юности видѣлъ величайшую опасность для родины—опасность, не признаваемую русскимъ обще-

Проф. А. Н. Красновъ въ группѣ съ дѣятелями и слушателями рабочихъ курсовъ.

ствамъ и создаваемую работой самой правительственной власти. А. Н. выступалъ тогда и въ печати съ предостереженіями, мысль объ этомъ его тревожила и мучила годами. Именно она сдѣлала изъ него человѣка оппозиціоннаго настроенія. Въ молодости, въ разгаръ живыхъ политическихъ и социальныхъ интересовъ молодежи того времени, А. Н. оставался чуждъ этимъ вопросамъ, былъ аполитикомъ по современному выраженію, сторонникомъ чистой культурной работы. И среди всѣхъ другихъ болѣе крупныхъ и глубокихъ явленій, направившихъ его сверстниковъ къ политическимъ и общественно-политическимъ интересамъ и обязанностямъ, къ борьбѣ за освобожденіе—для А. Н. поводомъ перелома его политическихъ воззрѣній явилось чуждое широкимъ кругамъ общества сознаніе внутренней нѣмецкой опасности, пониманіе роли правительства того времени въ ея созданіи. Я живо помню то впечатлѣніе, какое тогда, много больше 20 лѣтъ тому назадъ, произвело на него это бытовое явленіе русской жизни. Онъ весь былъ въ ужасѣ, страхѣ, негодованіяхъ, преувеличеніяхъ, принималъ логическія, возможныя слѣдствія за реальные факты. Какъ наблюдатель быта—географъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, онъ подошелъ случайно къ этому явленію и вдругъ увидѣлъ сознательный по злой волѣ или стихійный, поддерживаемый по легкомыслію, процессъ въ жизни родного народа, къ которому онъ уже въ дальнѣйшемъ не могъ относиться, какъ чуждый текущихъ волненій ученый изслѣдователь. Въ разговорахъ того времени съ А. Н. объ этой нѣмецкой опасности мнѣ живо помнятся бывшія у меня за много мѣсяцевъ или немного лѣтъ передъ тѣмъ яркія впечатлѣнія отъ разговоровъ съ другимъ крупнымъ русскимъ человѣкомъ, историкомъ быта и народныхъ массъ, пришедшимъ къ тѣмъ же выводамъ въ изобилованіи болѣе глубокихъ, сильныхъ и стройныхъ рамкахъ, чѣмъ къ какимъ пришелъ къ нимъ А. Н. Это былъ М. П. Драгомановъ, впервые въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ, болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, обратившій вниманіе русскаго общества на происходившій сознательно-стихійный процессъ на грани двухъ крупныхъ національныхъ единицъ, видный для него на протяжении вѣковъ и являвшійся факторомъ, ярко вліявшимъ на ходъ исторіи. Историкъ и натуралистъ-географъ, рѣзко отличные и по личному характеру, и по кругу своихъ интересовъ, и по глубинѣ философско-политическаго образованія, сошлись въ оцѣнкѣ этого событія и для обоихъ сознаніе его значительности, непонятное тогда окружающимъ, сыграло огромную роль во всемъ ихъ политико-общественномъ міровоззрѣніи и въ ихъ созна-

тельной жизни въ обществѣ. А. Н. впервые на этомъ вопросѣ познакомился съ работами и мыслями Драгоманова. Драгомановъ не дожилъ до 1914 года; но передъ А. Н. этотъ годъ открылъ заволоченную туманомъ бездну; для него стало реальностью то, чего онъ страшился, что предвидѣлъ и чему боялся вѣрить. Въ развѣтывавшихся событіяхъ, грандіозныхъ и сами по себѣ, онъ сразу почувствовалъ и то еще болѣе страшное, чего въ нихъ, можетъ быть, и нѣтъ, но что онъ себѣ давно логически, въ образномъ чувствѣ художника, столь въ немъ сильномъ, рисовалъ въ формахъ вѣковѣчной исторической стихійной борьбы двухъ племенъ, спорящихъ за мѣсто на солнцѣ, борьбѣ, въ которой по ея стихійности, онъ не видѣлъ соглашенія.

Передъ усталымъ жизнью, больнымъ человѣкомъ встали грозныя видѣнія, давно глубоко проникшія его живую личность и напрягавшія его силы; они какъ бы становились реальностью. Впечатлѣніе войны было для него слишкомъ сильно...

Но и здѣсь онъ не забылъ другихъ привычныхъ для ученаго интересовъ науки, которой онъ отдалъ всю свою жизнь. Нашъ послѣдній разговоръ былъ болѣе далекъ отъ грозныхъ событій дня. Онъ былъ направленъ на организацію русской науки. Лѣтомъ я прочелъ интересную книгу Оливера *The makers of British botany* и меня заинтересовала въ біографіи англійскихъ ботаниковъ ярко сквозившая отдѣльность развитія ботаники въ Англіи отъ ея развитія на континентѣ, съ одной стороны, и съ другой—рѣзкое отраженіе поколѣніями въ ихъ научной работѣ мірового характера англійской государственной организаціи, того, что мы наблюдаемъ и въ работѣ нѣмецкихъ натуралистовъ въ отличіе отъ работы русскихъ натуралистовъ за послѣднее столѣтіе. Мы не выходили почти за предѣлы Евразіи, англичане и нѣмцы издавна изучали и тропики, и полярныя страны, не оставляли безъ вниманія ни одной страны... Ихъ имена встрѣчаются всюду. Флора всего міра подвергалась на мѣстѣ ихъ изученію. А. Н. съ молодости стремился къ тропикамъ; и въ Россіи въ Батумѣ онъ пытался создать уголокъ природы, столь чуждой привычкамъ и познаніямъ русскихъ натуралистовъ, работающихъ въ области описательнаго естествознанія. Онъ ярко и сильно чувствовалъ то значеніе, которое для развитія русской науки должно имѣть болѣе обычное и болѣе доступное проникновеніе въ новую для насъ зону въ подтропическую природу. Книга Оливера его не удовлетворяла, и онъ считалъ, что она мало даетъ ему новаго и не передаетъ всей оригинальности англійскихъ ботаниковъ систематиковъ въ области географіи

растений, въ которой онъ самъ былъ самостоятельнымъ мыслителемъ. Это былъ нашъ послѣдній разговоръ—о будущей организации русской науки, о необходимости болѣе планомѣрнаго расширенія географической области ея изученія, проникновенія ея въ новыя страны, въ частности, въ области подтропической и тропической природы...

II.

Разговоръ этотъ—послѣднее общеніе съ ушедшимъ другомъ—страннымъ образомъ коснулся—въ другой обстановкѣ и въ другихъ формахъ—тѣхъ стремленій, которыя особенно сильно были у него, но захватывали и меня въ далекіе, съ трудомъ пробирающіеся въ воспоминанія, годы юности и молодости. Старыми мы коснулись въ послѣднемъ свиданіи видѣній молодости.

Еще въ гимназіи, болѣе 35 лѣтъ тому назадъ, когда я познакомился съ нимъ въ 1-ой Петербургской гимназіи, перейдя туда изъ Харьковской, мечты о тропической природѣ, страстное стремленіе ее видѣть и осязать, какъ проявленіе наиболѣе полное жизни, охватывали молодого юношу Андрея. Вижу овальное, очень смуглое лицо, съ ярко блистающими глазами, съ оригинальными медленными, но нервными движеніями, ясной, красивой рѣчью, залетающей все дальше и дальше въ несбыточные мечты подъ вліяніемъ развертыванія своихъ плановъ передъ слушателями. При этомъ онъ откидывался назадъ и очень своеобразно и высоко подымалась его голова. Онъ всегда былъ одной изъ тѣхъ натуръ, для которыхъ обсужденіе своихъ мыслей и плановъ и ихъ развертываніе передъ другими являлось одной изъ формъ творческаго мышленія. Объ этихъ планахъ онъ могъ говорить часами и здѣсь въ бесѣдѣ у него рождались и формулировались мысли и желанія...

Жизнь гимназистовъ и студентовъ того времени (1876—85) проходила въ «кружкахъ». Она скрывалась въ недозволенныхъ формахъ общенія, такъ какъ чрезвычайно рѣдко прорывалась въ явныя общества, къ которымъ мы привыкли послѣ 1905 г. Лишь, какъ исключеніе, въ немногихъ счастливыхъ случаяхъ, она вырывалась изъ рамокъ кружковъ въ открытыя «общества»—какъ это было для нашего студенческаго времени, гдѣ А. Н. принималъ участіе въ Студенческомъ научно-литературномъ обществѣ при Петербургскомъ университетѣ (1882—1887) и въ кружкѣ «Молодыхъ ботаниковъ», болѣе или менѣе легально собиравшихся при содѣйствіи проф. А. Н. Бекетова, подъ кровомъ Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Жизнь

и въ эпоху тяжелѣйшей реакціи всюду пробивалась сквозь обволакивавшій ее густой туманъ угнетенія и, какъ мы теперь видимъ, подготавливала неизбежныя новыя формы быта, болѣе отвѣчавшія второй половинѣ XIX вѣка, чѣмъ тѣ, какія могли свободно развиваться въ тогдашней Россіи. Эти нелегальныя организациі въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ были чужды политики. Она проникала въ нихъ лишь иногда, подъ вліяніемъ внѣшняго угнетенія.

Гимназическая жизнь того времени, въ ея духовной сторонѣ, сосредотачивалась по классамъ въ кружкахъ, при чемъ тогда еще не было того общенія между разными классами учебнаго заведенія и разными учебными заведеніями, которое развилось позже и, въ концѣ-концовъ, достигло любопытныхъ и своеобразныхъ, обширныхъ организаций, не оставшихся, конечно, безслѣдными въ жизни русскаго образованнаго общества.

Нашъ классъ былъ своеобразенъ по своему составу и интересамъ. Въ немъ было нѣсколько сильныхъ и яркихъ индивидуальностей. Въ немъ была большая духовная жизнь, независимая отъ гимназическаго преподаванія. Преподаваніе въ общемъ стояло тогда очень низко, даже въ столичной гимназіи, гдѣ были отдѣльные недурные учителя (напр., учитель математики Г. П. Верещагинъ, священникъ о. М. Соколовъ) и во главѣ которой стоялъ порядочный человѣкъ и хорошій искренній классикъ (А. И. Чистяковъ). Главнымъ несчастьемъ являлся мертвый духъ преподаванія, огромное количество времени, которое тратилось на древніе языки, преподававшіеся исключительно плохо. Трудно помянуть это преподаваніе чѣмъ-нибудь хорошимъ, хотя среди учителей классическихъ мертвыхъ языковъ въ нашей гимназіи были лично порядочные люди, м. б. даже имѣвшіе познанія въ древнихъ языкахъ—но эти познанія они не могли передавать намъ, такъ какъ не умѣли говорить по-русски, не отличались умомъ и строго держались официальныхъ рамокъ программы, искажившей прекрасный великій міръ Эллады, ея науку, литературу, искусство, разрушившей тѣ стороны исторіи Рима, которыя до сихъ поръ живы въ нашей жизни. Гимназическое преподаваніе эпохи Толстого было классическимъ лишь по названію. Главнымъ несчастьемъ было то, что въ общемъ преподавателями древнихъ языковъ въ это время въ Россіи были или, какъ у насъ, чужіе люди, сторонніе русской жизни и интересовъ нашей страны и потому безсознательно добросовѣстно исполнявшіе антинаціональную официальную программу.

или чиновники-полицейскіе, которымъ никакого дѣла не было до идейныхъ заданій школы, болѣе или менѣе добросовѣстно исполнявшіе предписаніе такого же, какъ они, начальства. Несомнѣнно, другихъ исполнителей для полицейской классической системы Толстого и нельзя было найти. Въ первой гимназій того времени, какъ я теперь вижу, въ общемъ было много лучше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ — былъ болѣе порядочный составъ преподавателей, не было тѣхъ безобразныхъ злоупотребленій властью, какія калѣчили наше поколѣніе въ другихъ мѣстахъ Россіи. Но наше отношеніе къ гимназій было рѣзко отрицательное. Въ частности, преподаватели классическихъ языковъ, чехъ Ө. Зборилъ и нѣмецъ Э. Керберъ, безбожно калѣча русскій языкъ, съ которымъ, совершенно не зная его, обязаны были сравнивать формы языковъ греческаго и латинскаго, не смогли ничего внести въ нашу среду, хотя, страннымъ образомъ, матеріалъ класса былъ чрезвычайно благопріятенъ для классической школы. Въ его средѣ былъ живой интересъ и къ жизни, и къ культурѣ классическаго міра, и къ древнимъ языкамъ. Нѣкоторые изъ учениковъ знали много больше, чѣмъ сколько требовалось программами и, главное, знали *иначе*. Среди такихъ знатоковъ классическихъ языковъ вспоминается рано умершій, шедшій своимъ путемъ С. Ф. Энрольдъ, читавшій въ гимназій классиковъ и увлекавшійся Августиномъ, автобіографію котораго онъ читалъ и перечитывалъ въ подлинникѣ. Былъ имъ и А. Н., увлекавшійся Геродотомъ, котораго онъ прочелъ въ гимназій цѣликомъ въ подлинникѣ, и съ увлеченіемъ пытавшійся проникнуть въ картину былаго южной Россіи, которая такъ разнo отъ современной представляется намъ изъ описаній древняго Грека, но въ которой мы можемъ и теперь уловить черты природы, оставшіяся неизмѣнными и въ его описаніяхъ. Къ нимъ позже вернулась научная мысль А. Н., вновь коснувшаяся въ этихъ работахъ умственныхъ впечатлѣній молодости. А. Н. живо чувствовалъ красоту древней литературы; онъ въ гимназическое время въ подлинникахъ читалъ Тацита, Цезаря, Ливія, Помпонія Мелу, поэтовъ, не въ тѣхъ только отрывкахъ, какими давала ихъ намъ школа. Для него это были живыя книги прошлаго, помогавшія ему въ интересахъ дня, какъ, напр., въ тѣхъ вопросахъ о расовой борьбѣ, которые, въ связи съ славянскимъ движеніемъ 1875 г., интересовали нѣкоторыхъ изъ насъ и сказывались въ нашихъ подпольныхъ гимназическихъ журнальныхъ разговорахъ.

Способность къ языкамъ А. Н. была очень велика. Онъ не зналъ иностранные языки въ тѣхъ предѣлахъ и въ тѣхъ формахъ, въ какихъ это было принято, правда, какъ уже исчезающій пережитокъ, въ средѣ средняго русскаго дворянства того времени. Онъ изучалъ языкъ частью въ его строеніи, частью охватывалъ его какъ орудіе, открывавшее доступъ въ новыя области литературы и познанія. Въ гимназіи, кромѣ древнихъ языковъ, онъ направилъ свое вниманіе на языки финскій и шведскій, съ которыми столкнули его лѣтнія, дачныя поѣздки въ Финляндію и въ населенныя финнами окрестности Петрограда. И онъ выучился свободно самому трудному—финскому—языку, переводя въ стихахъ Калевалу. Стихомъ онъ владѣлъ недурно. Позже, уже въ университетѣ, онъ легко—для потребностей ученой работы—овладѣлъ другими, нужными ему, языками романской и германской группы.

Интересъ къ языкамъ сказался и въ чтеніи по языкознанію, которымъ мы пополняли мертвую гимназическую грамматику. А. Н. очень увлекался Максъ Мюллеромъ и колебался одно время между естествознаніемъ и языкознаніемъ.

Несомнѣнно, въ гимназическомъ классѣ онъ являлся самымъ яркимъ носителемъ того духа точнаго наблюденія и любви къ природѣ, который былъ совершенно выброшенъ официальной программой изъ преподаванія. Уже въ 4 и 5 классахъ онъ обладалъ большимъ знаніемъ окружающей природы, любилъ и умѣлъ наблюдать насѣкомыхъ, растить и опредѣлять растенія. Ранней весной начинались поѣздки въ окрестныя мѣста Петрограда—Шувалово, Удѣльную, Парголово, въ поискахъ за весенней флорой и за міромъ насѣкомыхъ. Въ нихъ дѣятельное участіе принималъ другой страстный натуралистъ Е. И. Ремезовъ, теперь докторъ медицины. Для меня эти стремленія были тѣмъ новымъ и большимъ, что дала мнѣ тогда гимназическая жизнь—ибо мои интересы въ это время были въ другой области—въ области философіи, исторіи, географіи, религіи, слав. языковъ. Станнымъ образомъ, стремленіе къ естествознанію дала мнѣ изуродованная классическая Толстовская гимназія, благодаря той внутренней, подпольной, неподозрѣвавшейся жизни, какая въ ней шла, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ея среду попадали живые, талантливые юноши натуралисты. Въ такихъ случаяхъ ихъ вліяніе на окружающихъ могло быть очень сильно, т. к. они открывали передъ товарищами новый живой міръ, глубоко важный и чудный, передъ которымъ совершенно блѣднѣло сухое и изуродованное преподаваніе официальной школы. Въ нашемъ классѣ такимъ

юношей натуралистомъ былъ Красновъ, уже тогда увлекавшійся ботаникой и энтомологіей, любившій и чувствовавшій живую природу. Онъ любилъ не только собирать коллекціи, онъ любилъ не только опредѣлять растенія и животныя — онъ любилъ наблюдать природу, какъ въ ея свободной обстановкѣ, такъ и устраивать терраріи и акваріи. Яркими дѣтскими воспомина- ніями сохранились въ моей жизни совмѣстныя весеннія и осеннія экскурсіи въ окрестности Петрограда — ловля жуужицъ и бы- стрыхъ *Cicindella*, сборы водяныхъ жуковъ, поиски рѣдкихъ растеній. Впервые въ нихъ, по нашей волѣ, а не въ средней школѣ по традиціонной выучкѣ старшихъ, какъ это должно было бы быть, открывался намъ одинъ изъ основныхъ источни- ковъ воспитанія и жизни — міръ природы, столь мало осознан- ный, къ сожалѣнію, русскимъ обществомъ. А. Н. издавалъ даже одно время въ 4 или 5 классѣ гимназіи рукописный энтомоло- гическій журналъ, въ которомъ помѣщались наблюденія надъ жизнью насѣкомыхъ, какъ его собственныя, такъ и другихъ товарищей. Журналъ богато иллюстрировался... Съ А. Н. мы впервые занимались химіей, дѣлая опыты, не разъ, благодаря ему (экспериментаторъ онъ былъ нетерпѣливый), кончавшіеся взрывами къ ужасу домашнихъ.

Энтомологическій журналъ послужилъ началомъ журналамъ иного типа, которые охватывали не только натуралистовъ. Одно время издавалось даже два журнала, затѣмъ слившіеся въ одно; въ нихъ помѣщались статьи научнаго и беллетристическаго содержанія. А. Н. былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ и редакторовъ; вскорѣ онъ перешелъ къ статьямъ критическаго и историческаго содержанія, которыя стали преобладать въ этихъ изданіяхъ. Черезъ года два ихъ существованія, журналъ попалъ въ руки инспекціи, былъ прекращенъ, хотя въ немъ не было почти никакой политики и въ то же время онъ являлся пре- краснымъ противовѣсомъ тому теченію къ грубому разгулу, который былъ однимъ изъ выходовъ изъ полицейской формы школы.

Прекращеніе журнала совпало съ переходомъ нашимъ въ старшіе классы и съ образованіемъ кружка. Составъ гимнази- стовъ до извѣстной степени отражалъ составъ Петербургскаго общества того времени; это б. ч. были дѣти служилаго класса или людей вольныхъ профессій, въ большинствѣ съ не очень ясными и съ не очень сильными политическими настроеніями. Очень немногіе — какъ исключеніе — приносили въ гимназическую среду отраженіе оппозиціоннаго настроенія своихъ семей. Оно стало

нѣсколько ярче чувствоваться лишь послѣ войны 1877—1878 гг., когда уже начавшееся общественное движеніе стало доходить и до нашей гимназической жизни. Мнѣ пришлось жить въ семьѣ, въ которой очень ярко переживались оппозиціонныя настроенія 1878—1881 гг., но я чувствовалъ все время очень малую почву для нихъ въ товарищеской средѣ. А. Н. же принадлежалъ къ культурной средѣ совершенно другого настроенія (отецъ его былъ ученый генералъ, писатель, донской казакъ, интересовавшійся исторіей роднаго казачества) и въ это время совсѣмъ не былъ затронутъ тѣмъ движеніемъ, которое такъ бурно захватило въ тѣ годы часть молодежи, очень мнѣ кажется небольшую, и еще меньшую часть взрослого общества. Въ тѣсной зависимости отъ настроенія семей, большинство гимназическихъ товарищей, того времени было далеко отъ интересовъ политическихъ или соціальныхъ. Гимназическій кружокъ, который понемногу образовался и выросъ изъ редакцій журнала, старался объединить товарищей на почвѣ дружескаго общенія—сперва на почвѣ шахматной игры, страстнымъ, помнится не очень удачнымъ, любителемъ которой былъ А. Н.—а позже на почвѣ критическихъ обзоровъ литературныхъ произведеній, при чемъ каждый выбиралъ автора по своему желанію. Этимъ объясняется случайность подбора: Достоевскій, а рядомъ Шеллеръ-Михайловъ и Голицынъ-Муравлинъ.

Очевидно, такой кружокъ не могъ быть проченъ—и мало-по-малу сошелъ на нѣтъ по мѣрѣ того, какъ мы росли; событія становились ярче, при переходѣ къ концу царствованія Александра II. Но это общеніе было очень полезно и дало намъ всѣмъ много, такъ какъ въ свободной бесѣдѣ здѣсь сталкивались люди очень различныхъ мнѣній и настроеній и въ то же время въ нашемъ классѣ, среди товарищей А. Н., было нѣсколько человѣкъ очень недюжинныхъ, лишь немногіе изъ которыхъ оставили въ жизни слѣдъ, который могли оставить. Часть очень талантливыхъ людей была забита жизнью—ушла въ наживу или карьеру. Другіе рано умерли. Я уже упоминалъ о своеобразномъ искателѣ правды, острякѣ и весельчакѣ, Энрольдѣ, оригинальной внѣшности — бѣлокуромъ рѣзкомъ долихоцефалѣ. Нельзя не вспомнить еще двухъ-трехъ другихъ—мягкаго, широко образованнаго, тихаго, скромнаго, но очень вдумчиваго Дьяконова, умершаго отъ чахотки очень рано, и физика и математика Тюрина, страннаго, наивнаго и неприспособленнаго къ жизни, нерѣдко страдавшаго отъ насмѣшекъ и шутокъ товарищей, но всегда шедшаго своимъ путемъ и потому постоянно попадав-

шаго въ невѣроятныя положенія. Онъ умеръ уже по окончаніи университета и прошелъ въ нашей жизни непонятый и загадочный, но не безслѣдно для насъ всѣхъ — и для А. Н. — было столкновение и общеніе съ нимъ, какъ со всякой личностью, не подчиняющейся общимъ рамкамъ. Студентомъ умеръ и химикъ Владиміръ Зайцевъ, казалось, здоровый силачъ, неотесанный и мягкій, на видъ слесарь или механикъ, весь ушедшій въ химію. Это былъ богато одаренный, скромный человѣкъ, прошедшій суровую школу жизни, идеалистъ и работникъ. Онъ сгорѣлъ неожиданно и непонятно отъ туберкулеза, оставивъ недоконченную статью и анализы въ трудахъ Нижегородской экспедиціи Докучаева.

III.

Университетъ имѣлъ для насъ всѣхъ огромное значеніе. Онъ впервые далъ свободный выходъ той огромной внутренней жизни, какая кипѣла среди насъ и не могла проявляться въ затхлыхъ рамкахъ гимназіи. Выходъ въ университетъ былъ для насъ дѣйствительно духовнымъ освобожденіемъ, и въ университетскіе года личность А. Н. сразу развернулася чрезвычайно ярко и быстро...

Совершенно неожиданно, повидимому, для гимназическаго начальства значительная часть класса поступила на естественный факультетъ, но не всѣ пошли туда по призванію. Нѣкоторые думали потомъ перейти на медицинскій, другіе хотѣли дополнить рѣзкіе и больно чувствуемые пробѣлы образованія. Наконецъ, иные поступили на естественное отдѣленіе, такъ какъ хотѣли отойти подальше отъ тяжелыхъ воспоминаній о гимназической наукѣ, искали науки новой, запретной для гимназиста того времени. А. Н. былъ въ числѣ немногихъ, которые пошли на естественное отдѣленіе по призванію. Натуралистъ съ дѣтства, онъ впервые въ университетѣ нашелъ наконецъ то, чего такъ давно искалъ его проникавшій въ природу умъ.

Петербургскій университетъ того времени въ физико-математическомъ факультетѣ, на его естественномъ отдѣленіи былъ блестящимъ. Менделѣевъ, Меншуткинъ, Бекетовъ, Докучаевъ, Фаминцынъ, М. Богдановъ, Вагнеръ, Сѣменовъ, Овсянниковъ, Костычевъ, Иностранцевъ, Воейковъ, Петрушевскій, Бутлеровъ, Коноваловъ — оставили глубокій слѣдъ въ исторіи естествознанія въ Россіи. На лекціяхъ многихъ изъ нихъ — на первомъ курсѣ на лекціяхъ Менделѣева, Бекетова, Докучаева открылся передъ нами новый міръ, и мы всѣ бросились страстно и энергично въ научную работу, къ которой мы были такъ несистематично и

неполно подготовлены прошлой жизнью. Восемь лѣтъ гимназической жизни казались намъ напрасно потеряннымъ временемъ, тѣмъ ни къ чему ненужнымъ искусомъ, который заставила насъ проходить вызывавшая глухое наше негодованіе правительственная система. Эти мысли получали яркое выраженіе въ лекціяхъ Д. И. Менделѣева, какъ извѣстно человѣка очень умѣренныхъ, скорѣе консервативныхъ политическихъ взглядовъ, который, однако, больше, чѣмъ кто-нибудь другой возбуждалъ въ насъ духъ свободы и оппозиціоннаго настроенія. Ярко и красиво, образно и сильно рисовалъ онъ передъ нами безконечную область точнаго знанія, его значеніе въ жизни и въ развитіи человѣчества, ничтожность, ненужность и вредъ того гимназическаго образованія, которое душило насъ въ теченіе долгихъ лѣтъ нашего дѣтства и юности. На его лекціяхъ мы какъ бы освобождались отъ тисковъ, входили въ новый, чудный міръ и въ переполненной 7-ой аудиторіи Дмитрій Ивановичъ, подымая насъ и возбуждая глубочайшія стремленія человѣческой личности къ знанію и къ его активному приложенію, въ очень многихъ возбуждалъ такіе логическіе выводы и настроенія, которыя были далеки отъ него самого. Толстой въ своемъ чутьѣ политическаго инквизитора, былъ правъ въ своемъ подозрѣніи къ Менделѣеву и не напрасно онъ не допустилъ какъ-разъ въ это время Менделѣева (властью своей, какъ президента) до баллотировки въ Академію Наукъ и вскорѣ послѣ окончанія нами университета, противъ желанія Дмитрія Ивановича, удалилъ его изъ Петроградскаго университета.

Въ университетской жизни Андрея Николаевича можно кромѣ вліянія науки, въ которую онъ все глубже и глубже проникалъ, отмѣтить вліяніе товарищей какъ личное, такъ и университетскихъ группъ—и вліяніе отдѣльныхъ профессоровъ.

Уже къ концу гимназической жизни образовался у него болѣе тѣсный кружокъ товарищей, интересовавшихся естествознаніемъ, въ которомъ, кромѣ Е. И. Ремизова и меня, былъ старшій по классу, рано умершій ботаникъ, В. Н. Аггеенко. Этотъ тѣсный кружокъ, не собиравшійся регулярно, перешелъ и въ университетскую нашу жизнь, явившись центромъ, помогавшимъ намъ разобраться въ сложномъ, новомъ знаніи, которое было намъ внесено университетомъ. Вмѣстѣ мы дѣлали опыты, читали рефераты, обсуждали новыя книги и прочитанное, готовились къ лекціямъ и экзаменамъ.

Вскорѣ, однако, новыя впечатлѣнія измѣнили этотъ намѣчавшійся тѣсный кружокъ натуралистовъ (куда одно время

примыкали Л. А. Оболяниновъ, теперешній земскій и общественный дѣятель, А. К. Медвѣдевъ, теперь профессоръ фізіологической химіи, Н. Г. Ушинскій, профессоръ фізіологъ и врачъ). Какъ для А. Н., такъ и для его товарищей, начала сказываться специализація интересовъ въ проникновеніи въ научную работу, рѣзко отличную для каждого изъ нихъ. Особенно ярко это сказалось для А. Н. Онъ быстро выдвинулся какъ ботаникъ,

близко сошелся съ А. Н. Бекетовымъ и его семьей, всталъ на ноги, какъ молодой, подающій надежды специалистъ-ботаникъ. Можетъ быть, даже онъ слишкомъ рано вошелъ въ специальную работу, не докончивъ систематическаго научнаго образованія. Еще на студенческой скамьѣ и въ ближайшіе годы по окончаніи курса онъ принялъ участіе въ большихъ поѣздкахъ и экспедиціяхъ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно — въ области Алтая, Балхаша, Нижегородскую губернію, а затѣмъ въ Киргизскую степь и Тянь-Шань. А. Н. Красновъ, В. И. Вернадскій (спереди),

Е. И. Ремизовъ (сзади).

Богато одаренный, какимъ онъ былъ, онъ прекрасно справился съ сложными задачами, передъ нимъ стоявшими, но, при его увлекающемся характерѣ, раскрывшіеся и манящіе его новые горизонты, въ концѣ-концовъ, оказались ему не по силамъ и въ концѣ своего университетскаго курса, перемѣнивъ свою специальность, сблизившись изъ ботаника географомъ, онъ, какъ мнѣ кажется, сблѣлъ шагъ, который не отвѣчалъ полному развитію его личности. Эти первые успѣхи научной работы во многомъ измѣнили студенческую жизнь А. Н., заставивъ его уже съ 3 курса уйти въ очень трудную самостоятельную работу, требовавшую отъ него много времени и большаго труда. Онъ отходилъ отъ обычной студенческой жизни.

Прежде чѣмъ окончательно сложилась его дѣятельность, онъ столкнулся въ студенческой средѣ съ двумя явленіями, такъ или иначе отразившимися на его духовныхъ интересахъ, хотя и тутъ дѣловитая огромная работа молодого ученаго не позволила ему вполне войти въ раскрывавшіяся передъ нимъ возможности. Въ университетѣ онъ встрѣтился съ живой организаціей, привлекавшей въ свою среду, кажется, всѣхъ безъ исключенія выдѣлявшихся своими научными и литературными интересами студентовъ университета 1882—1887 гг. Этимъ центромъ было Студенческое Научно-Литературное Общество, созданное въ 1882 году, благодаря энергіи и моральной силѣ профессора исторіи русской словесности О. Ф. Миллера, благороднаго, чистаго сердцемъ идеалиста-славянофила. Въ этомъ Обществѣ послѣ сходки 1882 года, вызвавшей сближеніе студентовъ различныхъ курсовъ и факультетовъ, объединились на почвѣ научныхъ, философскихъ и литературныхъ интересовъ всѣ живыя силы студенчества того времени. Если мы взглянемъ сейчасъ на списки дѣятелей этого Общества—особенно на списки его научнаго отдѣла, руководившаго его жизнью,—мы увидимъ въ немъ множество всѣмъ извѣстныхъ теперь именъ ученыхъ, историковъ, натуралистовъ, юристовъ, медиковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей. Многихъ уже нѣтъ въ живыхъ—но большинство еще живо и сейчасъ на каждомъ шагу встрѣчается въ передовыхъ рядахъ культурной жизни русскаго общества. Едва ли когда-либо такъ захватывался въ единое цѣлое весь цвѣтъ студенческихъ поколѣній. Общество собиралось большею частью въ аудиторіи ботаническаго кабинета въ отдѣльномъ небольшомъ зданіи, въ Ботаническомъ саду университета, которую ему предоставилъ А. Н. Бекетовъ. Въ этомъ Обществѣ дѣлалъ доклады А. Н. и въ первое время—а можетъ быть и до конца—входилъ въ составъ его научнаго отдѣла.

Черезъ членовъ Общества А. Н. Красновъ сблизился и съ другимъ теченіемъ студенческой жизни. Въ началѣ 1880 годовъ на ряду съ чисто-соціалистическими настроеніями, проникнутыми чувствомъ общественной морали, близкими по философскимъ идеаламъ къ научному позитивизму, связанными съ безразличнымъ или отрицательнымъ отношеніемъ къ религіи, искусству и первое время къ политической жизни, существовали другія теченія, близкія къ данному, но не входившія въ его рамки. Они не отличались отъ перваго своими моральными и демократическими стремленіями, одинаково съ нимъ сходились на необходимости работы для обездоленныхъ, для народныхъ массъ.

въ отрицаніи исторически сложившаго порядка вещей. Но они не могли примириться съ тѣмъ отношеніемъ къ религіи, искусству, философіи, политической жизни, наукѣ, которое было связано съ тогдашними социалистическими настроеніями молодежи. Самъ социализмъ для многихъ считался трудно спланируемымъ съ другими дорогими сторонами чловѣческаго духа—съ чувствомъ націи или государства, а еще болѣе съ чувствомъ свободы личности и не могъ считаться научно-доказанной истиной или быть принятъ на вѣру, какъ онъ принимался его адептами. Онъ вызывалъ къ себѣ сомнѣнія или споръ. Эти теченія были безформенны, но какъ, разъ къ расцвѣту народовольческаго терроризма и къ моменту, когда складывалась русская социаль-демократія, въ этой средѣ складывались и выяснялись кружки, одни изъ которыхъ привели къ толстовству, другіе создали кадры демократическаго земскаго движенія, приведшіе, въ концѣ-концовъ, на политической почвѣ къ союзу освобожденія и къ конституціонно-демократической партіи. А. Н. при его аполитизмѣ всегда очень сильно чувствовалъ моральную и общественно-моральную подкладку жизни. Онъ отрицательно относился къ социализму уже въ силу очень ярко выраженной у него индивидуальности и дорогой ему идеи государственнаго служенія и чувства національнаго. Поэтому онъ ближе примыкалъ къ теченіямъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ социалистическихъ кружковъ русской молодежи, и особенно къ одному изъ такихъ кружковъ, который въ университетское время ярко выдвигалъ идею личности и ея усовершенствованія и связь ея съ общественностью, какъ моральныя цѣнности. Этотъ кружокъ, въ составъ котораго входили студенты разныхъ факультетовъ, вскорѣ на почвѣ этической выросъ въ болѣе тѣсный кругъ братства, какъ онъ тогда себя называлъ. Теперь не время касаться исторіи этого кружка—немногіе изъ его членовъ пока ушли изъ жизни, какъ недавно *Θ. Θ. Ольденбургъ*¹⁾—но онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на всѣхъ лицъ, въ него входившихъ или къ нему примыкавшихъ. Многіе изъ его членовъ сохранили связь между собою на всю жизнь. Къ этому кружку былъ близокъ въ университетской жизни и А. Н.; однако, онъ не могъ въ него войти тѣсно, частью вслѣдствіе различія во взглядахъ, уже тогда проявлявшагося, но, главнымъ образомъ, потому, что широко развернувшаяся передъ нимъ возможность научной работы, связанная съ далекими путешествіями, рано оторвала его отъ

¹⁾ Объ этомъ кружкѣ см. воспоминанія кн. Д. И. Шаховскаго. «Русскія Вѣдомости». Сборникъ статей. 1863—1913. М. 1913. Отд. II, стр. 198.

интересовъ студенческой жизни и не позволяла слѣдовать за эволюціей кружка, путемъ совмѣстнаго переживанія впечатлѣній жизни, что является необходимымъ элементомъ кружковщины, тѣмъ болѣе той своеобразной формы ея, которая вылилась въ данномъ случаѣ въ «пріютинское братство», какъ тогда мы его называли. Но связь его съ нѣкоторыми членами кружка никогда не порывалась до смерти.

IV.

Новымъ и крупнымъ факторомъ университетской жизни А. Н. была, какъ я указывалъ, ранняя прикосновенность его къ научной работѣ, въ то время болѣе рѣдкая для студента, чѣмъ теперь, и вліяніе двухъ крупныхъ Петербургскихъ профессоровъ того времени—А. Н. Бекетова и В. В. Докучаева. Подъ ихъ вліяніемъ складывалась его научная работа и они вызвали тотъ выборъ новой специальности—географіи—который опредѣлилъ всю его дальнѣйшую судьбу.

А. Н. Бекетовъ, тогда ректоръ университета, былъ живымъ культурнымъ общественнымъ дѣятелемъ, работавшимъ въ тяжелой обстановкѣ безвременья. Его поколѣнію пришлось заканчивать жизнь въ эпоху реакціи, казалось, разрушившей всецѣло все то, чѣмъ начиналась и жила ихъ молодость. Высшіе женскіе курсы, университетъ, Вольное Экономическое и другія ученыя общества, широкая популяризація естествознанія, постоянное общеніе съ молодежью брали большую часть его времени въ теченіе всѣхъ лѣтъ его профессуры. Однако, никогда при этомъ А. Н. Бекетовъ не бросалъ научныхъ занятій, онъ былъ всю жизнь всецѣло преданъ наукѣ. Его лекціи, которыя пришлось слушать намъ въ самомъ началѣ 1880-хъ годовъ въ 1881—1882, давали намъ много—частью, благодаря ихъ рѣзкому отличію отъ гимназическаго преподаванія, частью потому, что въ нихъ чувствовалась самостоятельная научная мысль. Бекетовъ былъ ботаникомъ, сложившимся еще до выступленія Дарвина; при этомъ его мысль независимо работала въ областяхъ смежныхъ съ тѣми, которыя стали господствующими послѣ 1859 года, и къ охватившему науку эволюціонному ученію онъ отнесся какъ самостоятельно мыслившій въ томъ же направленіи послѣдователь. Онъ подходилъ къ эволюціонному ученію до Дарвина и независимо отъ него и навсегда сумѣлъ сохранить къ нему критическое отношеніе чловѣка, самостоятельно обрабатывавшаго окружающія явленія подъ другимъ, независимымъ отъ вскорѣ господствующаго научнаго міровоззрѣнія, близкимъ къ нему, угломъ зрѣнія. Это чувствовалось и въ его бесѣдахъ, въ

его статьяxъ, и въ его лекціяхъ. Я помню, что для насъ на ряду съ тѣмъ новымъ міромъ, какой открывался на его лекціяхъ въ жизни растений, закрытой намъ раньше школьнымъ ученіемъ—эти лекціи были дороги тѣмъ, что онѣ пытались связывать конкретные факты точнаго знанія съ цѣльнымъ и своеобразнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Станнымъ образомъ у Бекетова сказывалось вліяніе нѣмецкой философіи Фриса (черезъ Шлейдена).

Для А. Н. была, однако, особенно важна другая сторона интересовъ Бекетова, его интересъ къ географіи растений, къ изученію растенія въ его естественной обстановкѣ. Бекетовъ несомнѣнно оставилъ крупный слѣдъ въ томъ теченіи ботанической мысли, которое ярко складывалось въ то время въ Россіи и которое не только было связано съ изученіемъ флоры, но привело къ такъ-называемымъ геоботаническимъ работамъ. Въ область этихъ явленій подъ вліяніемъ А. Н. Бекетова сразу цѣликомъ ушла мысль Краснова.

На этой почвѣ онъ подошелъ къ вопросамъ физической географіи, геологіи, почвовѣдѣнія. На нихъ онъ столкнулся ближе съ В. В. Докучаевымъ.

На А. Н. Красновѣ на всю жизнь сказывалось вліяніе этой еще болѣе крупной личности, чѣмъ А. Н. Бекетовъ. В. В. Докучаевъ, какъ-разъ въ то время дѣлалъ огромное дѣло, пытался направить русскихъ естествоиспытателей на новый путь. И это ему, одному изъ немногихъ, удалось. Профессоръ минералогіи, В. В. Докучаевъ былъ чуждъ той отрасли знанія, преподавать которую ему пришлось по случайности судьбы. По кругу раннихъ своихъ интересовъ это былъ геологъ, интересовавшійся динамической геологіей, геологіей лика земли на русской равнинѣ. Его привлекали вопросы орографіи, новѣйшихъ ледниковыхъ и морскихъ отложеній и отъ нихъ онъ перешелъ къ самому поверхностному покрову, къ почвѣ. Въ ней В. В. угадывалъ новое естественное тѣло, отличное и отъ горной породы и отъ мертвыхъ продуктовъ ея измѣненія. Какъ-разъ въ студенческое время Краснова, съ 1878 г. и, главнымъ образомъ, съ 1881 г. Василій Васильевичъ клалъ основы русскому почвовѣдѣнію, далъ тотъ могучій толчокъ научной мысли и научной работѣ, который чувствуется въ научной жизни до сихъ поръ, уже многіе годы послѣ его смерти. Это былъ русскій самородокъ, шедшій своимъ путемъ, жилось сложившійся въ Россіи, совершенно чуждый западу, котораго не зналъ—какъ и не зналъ иностранныхъ языковъ—и куда попалъ уже къ концу жизни. Онъ не имѣлъ ни широ-

каго образованія Бекетова, ни его интересовъ — но онъ обладалъ волей, широкимъ, оригинальнымъ умомъ и былъ прирожденнымъ натуралистомъ. Уже со студенческой скамьи научная ботаническая работа А. Н. Краснова была въ широкой степени охвачена вліяніемъ Докучаева. Вскорѣ онъ принялъ участіе въ его земскихъ экспедиціяхъ въ Нижегородской и позже въ Полтавской губерніяхъ.

И А. Н. Бекетовъ, и В. В. Докучаевъ мало интересовались политикой, отъ которой они стояли, какъ огромное большинство русскаго общества того времени, совершенно въ сторонѣ. Это были чисто культурные общественные дѣятели. Если фактически они увеличивали силу общества, приводили къ новымъ формамъ общественной и государственной жизни — они не это имѣли въ виду при своей дѣятельности. Въ тяжелое время, переживавшееся въ то время университетомъ, особенно Петербургскимъ послѣ 1881—1887 гг., они оба старались спасти, что можно, путемъ всякихъ уступокъ. Помню характерные разговоры въ этомъ смыслѣ съ В. В. Докучаевымъ въ эпоху ректорства проф. Владиславева или въ тѣ дни, когда серьезно подымался вопросъ о переводѣ Петербургскаго университета въ Аракчеевскую вотчину — Грузино... Оба сохраняли связь съ министромъ Деляновымъ и старались и въ эпоху университетской реакціонной реформы 1884 г. сдѣлать, что можно.

Къ числу такихъ новыхъ творческихъ начинаній въ высшей школѣ въ это время было и созданіе кафедры географіи въ университетахъ. И А. Н. Бекетовъ, и В. В. Докучаевъ оба старались сдѣлать, что можно, лучшаго изъ этой кафедры и подъ ихъ вліяніемъ талантливый ихъ ученикъ А. Н. Красновъ былъ направленъ на работу въ этомъ новомъ пути. Сейчасъ виднѣе, чѣмъ прежде, насколько ошибочно была съ самаго начала поставлена организація этого дѣла, требовавшая невозможныхъ знаній отъ представителя кафедры. Прошло уже около 30 лѣтъ — но кафедра географіи въ университетахъ въ общемъ не стала вполнѣ на ноги. И сейчасъ, какъ и тогда, стоитъ передъ ней та же задача — созданіе географическихъ отдѣленій и раздѣленіе цикла географическихъ наукъ между нѣсколькими преподавателями...

Несомнѣнно, тогда можно было думать, что стоитъ начать, а затѣмъ жизнь улучшить и разовьетъ начатое. Такъ и думали многіе. Въ числѣ самыхъ первыхъ молодыхъ ученыхъ, посланныхъ Деляновымъ за границу для подготовленія къ этой новой кафедрѣ, былъ, по рекомендаціи А. Н. Бекетова и В. В. Доку-

Проф. А. Н. Красновъ на ботанической экскурсіи съ слушателями рабочихъ курсовъ.

чева, отправленъ и А. Н. Красновъ. Изъ прилагаемыхъ отрывковъ переписки моей съ нимъ изъ того времени (1888) видно, какъ сознательно и какъ серьезно онъ готовился къ этому новому дѣлу. Можно даже сказать, что онъ во всей своей жизни, какъ рѣдко кто, остался вѣренъ своему молодому плану и провелъ его до конца безъ большихъ измѣненій. И если, несмотря на это онъ къ концу жизни вновь вернулся къ ботаникѣ и всю жизнь работалъ съ чувствомъ неудовлетворенія и сомнѣнія въ правильности выбраннаго жизненнаго пути, причиной этого являлись не его личныя свойства, а неправильность общей постановки взятой имъ на себя задачи, требовавшей отъ человѣка соединенія несоединимаго.

■ 1916. Петроградъ.

В. И. Вернадскій.